

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX века

*Работа представлена кафедрой истории Дагестана
Дагестанского государственного университета.*

Статья посвящена процессу становления российского военного и гражданского управления на территории Дагестана, Чечни, Ингушетии. Анализируются особенности военно-окружного, приставского и сельского управления, обосновывается тенденция концентрации власти на Кавказе в одних руках и местная централизация кавказского управления.

Ключевые слова: *централизация, пристав, военная администрация, военно-окружное управление.*

А. Omarov

RUSSIAN MANAGEMENT FORMING IN THE NORTHEAST CAUCASUS AT THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

The article is dedicated to the forming of Russian military and civil management in the territory of Dagestan, the Chechen and Ingushetia Republics. The author analyses the peculiarities of military management in regions and villages and justifies the tendency for power concentration in certain hands and local centralisation of the Caucasus management.

Key words: *centralization, police, officer, military management.*

Процесс становления российского управления на Северо-Восточном Кавказе является частью более широкой проблемы управления царизмом национальными окраинами империи. Одной из задач статьи является анализ этой проблемы.

Еще в первой четверти XVIII в. царизм приступил к административному устройству Северного Кавказа. Российские крепости, составившие цепь военных укреплений – Кавказскую линию, стали играть роль административных центров. После основания в 1724 г. крепости Святой крест создаются Гребенское и Аграханское войска [15, с. 21].

В 1735 г., после постройки крепости Кизляр, казачество объединяют в кизлярское войско с четкой военно-управленческой структурой [14, с. 2–3]. На кизлярского коменданта возлагались обязанности первой административной инстанции для казачьих войск Северного Кавказа. Через Кизляр стали развиваться разносторонние связи с местным населением Северного Кавказа. В гребенские городки регулярно привозились для продажи бурки, шерсть, бумага и прочие изделия [8, с. 40]. В район Кизляра стала переселяться часть коренного населения Кавказа, в частности Закавказья. Советский историк В. Н. Гамрекели писал, что «с первых же годов существования крепости Кизляр вокруг нее разрослась многочисленная грузинская колония». Армяне и грузины принимались на военную службу, формировались военные подразделения, раздавались «в пристойных местах под дворы, огороды и под пашню надлежащие места» [10, с. 286–287].

Однако сфера деятельности кизлярского коменданта была значительно шире, он ведал практически всем Предкавказьем и подчинялся астраханскому губернатору. Неслучайно к кизлярскому коменданту обращались не только народы Северо-Восточного Кавказа, но и кабардинцы, осетины, ингуши, населявшие Центральный Кавказ [10, с. 275–276, 286–287; 8, с. 170–191].

После указа Екатерины II в 1785 г. об учреждении кавказского наместничества активизируется процесс колонизации и насаждения дворянского земледелия.

Совершенно прав А. К. Фадеев, когда отмечает, что по существу в директиве императрицы Екатерины II прикрыть «земли» со стороны кавказских гор «строением крепостей» заключалась целая политическая доктрина, суть которой состояла в том, чтобы вплести присоединенные территории Кавказа и Крыма в единую административную систему государства [17, с. 338; 2].

Российское влияние укрепилось после заключения в 1783 г. между правительством России и грузинским царем Ираклием II в Георгиевске дружественного договора (Георгиевский трактат), согласно которому Россия брала на себя обязанность защищать Грузию от внешних врагов и вводила на ее территорию свои войска, а Грузия, в свою очередь, обещала не вступать без ведома России в сношения с соседними государствами [12, с. 57–58].

Царское правительство понимало, что административное подчинение северокавказских народов пройдет более безболезненно с минимумом вооруженных конфликтов, если создать условия для постоянного контакта между администрацией наместничества и горским населением. Строительство крепостей и городов должно было способствовать «обузданию своевольных» и «сохранению в них порядка», расширению и укреплению южной границы [23].

Активизация кавказской политики России, укрепление ее позиций вызвали недовольство и возмущение горских народов (строительство крепости Моздок и последующая 14-летняя война с кабардинцами, образование Моздокского казачьего войска на землях Кабарды) [7, с. 15].

Непросто развивались русско-чеченские отношения в 40-е гг. XVIII в. По мнению И. Бларамберга, между «мирными» и «немирными» чеченцами существовали «дружеские» отношения [3, с. 15]. В 1757 г. «чеченцы вышли из должного повиновения своим владетелям и совсем оказались противными российской стороне, и на явные противности обратились». Государственная коллегия констатирует, что «они (чеченцы. – А. И.) из всех тамошних народов наглее и дерзновеннее, не

слушая ни мало, в чем не хотят и владельцев своих и предписывает «наказать их, привести к прежнему повиновению; разорить и искоренить их, «дабы они из гор на чистые места вышли» [5, с. 173, 259].

П. Г. Бутков писал, что «наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собой разных кавказских народов, дабы они ослабляли силы свои» [5, с. 259].

Периодически российская политика в отношении Чечни менялась от попыток насильственного подчинения до мирного урегулирования конфликтов.

Российская политика в Чечне вызвала крупное восстание во главе с шейхом Мансуром (Ушурмой) в 1785 г. Большинство дагестанских феодалов отказались участвовать в нем. Источник сообщает, что «кроме чеченцев никого нет» и «не видно, чтобы народы к нему стекались» и просьбы о помощи в Дагестане «во всех местах находят отказ» [19].

Управление Ингушетией осуществлялось из Владикавказа, сделавшегося, по меткому выражению генерал-майора Ф. О. Пауллучи, «столицей» для осетин и ингушей.

В 1800 г. на Северном Кавказе вводится особый институт приставства во главе с главным приставом – связующим звеном между военной и гражданской администрацией Астраханской губернии и кавказскими народами.

Военные экспедиции сначала под командованием генерал-майора Савельева, а затем генерал-поручика В. А. Зубова в 1796 г. совершают успешный поход по приморской части Дагестана.

Предлагалось владетелей Дагестана «удерживать по возможности в зависимости от нас, на вышеописанном основании», чтобы «в случае надобности соединенными силами они могли стать против покушающихся врагов, и мы колько можно меньше имели надобности вступаться за них вооруженною рукою» [11, с. 101].

Продолжается процесс принятия российского подданства. Однако ряд таких крупных феодалов, как Шихали-хан Дербентский, Сурхай-хан Казикумухский и Кюринский, Умма-

хан Аварский, приводили традиционную политику «лавирования» между государствами – претендентами на господство на Кавказе.

В 1802 г. гражданское и военное управление сосредотачивалось в руках одного лица – начальника Астраханской и Кавказской губерний, инспектора Кавказской линии и Главноуправляющего в Грузии.

Кавказская губерния включала в себя Кизлярский, Моздокский, Александровский, Ставропольский и Георгиевский уезды [1]. Все северокавказские народы традиционно делились на два разряда: первые, живущие внутри Кавказской линии, и «совершенно подданные России» (ногайцы, кумыки, трухменцы), вторые «в горах обитающие и независимые или в наружности подвластными почитающиеся (кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши). Лучшей и коренной политикой относительно горских народов царское правительство считало «отвращать между ними всякое единомыслие». П. Д. Цицианову предписывалось «не вмешиваться во внутренние их дела», «внести ясность и порядок в запутанные дела края, стараться быть чутким, справедливым, но и твердым, добиваться доверия к правительству, не только в самой Грузии, но и в разных соседних областях» [22, с. 3].

Все народы Северного Кавказа прошли через установление русско-кавказских связей. Присоединение горских народов и введение военно-административного аппарата происходило с той лишь разницей, что Чечни и Дагестана это коснулось несколько позднее, чем Кабарды и Осетии [21, с. 56].

Вовлечение народов Северного Кавказа в сферу влияния России не означало немедленного введения административного аппарата. Феодалы и союзы обществ сохраняли свою самостоятельность и весьма слабо подчинялись центральной власти. К тому же на активность кавказской политики во многом влияли успехи России в международных событиях конца XVIII – начала XIX в. Именно на Северо-Восточном Кавказе влияние России оставалось проблематичным, поскольку здесь часть местных владений вела себя по-прежнему неустойчиво [4, с. 53].

В 1803–1804 гг. образуются Джаро-белоканские общества, последние присоединяются силой оружия к России на «вечные времена» и облагаются данью. Вступление Аварии в подданство России и присоединение Джаро-Белокан оказало огромное влияние на других феодалов и общества Дагестана и Закавказья. В период русско-иранской (1804–1815 гг.) и русско-турецкой (1806–1812 гг.) войн ряд обществ (Балхарское, Ансалтинское, Шодродинское, Ахтыпаринское, Алтыпаринское, Докузпаринское, Мискинджинское и др.) принимаются в подданство России.

В результате военных действий и политики «разделяй и властвуй» в 1812 г. окончательно было присоединено Дербентское ханство, образуется Кюринское владение, отданное правлению Аслан-беку – стороннику России (племяннику и противнику Сурхай-хана Казикумухского).

В феврале 1812 г. в Дербенте учреждается главное управление Дербентской и Кубинской провинциями в лице военно-окружных начальников, городской суд (диван), в котором председательствовал комендант крепости, членами его были два бека и два горожанина [9, с. 65].

В 1807 г. после очередной карательной экспедиции против «буйных чеченцев», контроль над чеченской территорией и надзор «за поведением» чеченцев и кумыков поручается главному калмыцкому приставу Ахвердову.

Пребывание калмыцкого пристава в Кизляре ясно указывало на то, что наиболее важной задачей пристава являлась организация постоянного надзора над Чечней и Северо-Восточным Кавказом. Особо не вмешиваясь во внутреннюю жизнь кавказских горцев, российская администрация стремится осуществлять более строгий контроль над ними, используя для этого сельских старшин.

В 1807–1812 гг. в Чечне сложилась следующая система административного соподчинения: главноуправляющий – командующий Кавказской линией – калмыцкий пристав – сельские старшины – жители чеченских аулов.

После окончания русско-турецкой (1806–1812 гг.) и русско-иранской войн (1804–

1813 гг.) за Россией закреплялись закавказские страны, Дагестан и «равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами... российским судам по прежнему обычаю предоставляется право плавать у берегов Каспийского моря» [20, с. 307–308].

Фактически Иран уступил России то, чем не владел [18, с. 5]. Стремление царизма превратить отношения военно-политического союза и договора о ненападении, на которые шли горцы, в отношении подданства с введением новых, малопонятных им форм власти, стала одной из важных причин антироссийских выступлений. Последующие события показали, что даже те феодалы, которые придерживались прорусской ориентации, получали чины и крупные жалованья, почувствовав усиление и давление царской администрации на себе, начали выступать против вводившегося режима управления.

Сам император Александр I признал, что «если свойственно горским народам покушаться на всякие хищничества, то, с другой стороны, по сведениям довольно достоверным, нельзя оправдать, кажется и поступков с ними разных чиновников или жителей наших, позволяющих себе нередко отгонять их скот и делать им и другие притеснения, отвлекающие их от нас и истребляющие всякую верность» [13, с. 101].

Российское правительство, укрепив свои внешнеполитические позиции и значительно расширив территорию империи, всерьез взялось за покорение Северо-Восточного Кавказа. Установление безраздельной власти российской самодержавной власти стало лишь вопросом времени. Практическим воплощением основной идеи правительства (концентрация власти на Кавказе в одних руках и местная централизация кавказского управления) стало назначение в 1816 г. на пост Главноуправляющего гражданской частью Грузии и в губерниях Астраханской и Кавказской и командира Отдельного Грузинского корпуса А. П. Ермолова.

Именно он начал целенаправленно проводить политику насильственного административного вхождения народов Северного Кавказа в состав империи. А. П. Ермолов «становится самостоятельным правителем обширного воинственного края, с правами почти неограниченными, которых до него не имел никто из его предшественников... Эпоха Ермолова была для Кавказа прежде всего эпохой полного изменения внутренней политики... Все наши сношения с местными кавказскими владениями носили характер каких-то мирных переговоров и договоров, причем Россия всегда являлась как бы данницей. Большой части не только дагестанских и иных ханов, но даже чеченским старшинам, простым и грубым разбойникам, Россия платила жалованье, поддерживая тем в них, алчность и возбуждая в других зависть и стремление набегами вынудить Россию платить “дань” и им», – пишет В. Потто [16, с. 16]. Например, анцухское общество обещало новому «правителю» жить с ним в мире только в том случае, если он будет платить дань. «Высокопочтенный эмир Ермолов, мы будем поступать так же, как поступали с эмиром Ираклий-ханом, и мы желаем, чтобы ты, подобно ему, платил дань», – говорится в послании анцухцев Ермолову.

Акуша, Кайтаг, Табасаран, Авария и даже небольшая Мехтула не только не платили долги, а, наоборот, сами домогались получить некоторую дань в виде чинов и пенсий, жалуемых их владельцам [21, с. 399].

А. П. Ермолов был убежденным сторонником того, что «весь Кавказ должен стать и неизбежно станет неотделимой частью Российской империи, что существование в этих краях независимых и полунезависимых государств и обществ любого вида вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием подданных» [7, с. 56]. Новый главнокомандующий быстро убедился в том, что отсутствовал единый систематический план по включению народов Кавказа в рамки власти Российского государства, военная си-

ла была недостаточна для осуществления этой задачи, а социальная база поддержки России была слишком узка.

В качестве меры, способной внушить местным владельцам уважение к России, Ермолов полагал принцип справедливости наказания, понимаемый им, естественно, лишь относительно своего положения и происхождения. Одним из первых крупных его шагов становится составление долгосрочного плана военной стратегии. По плану одной из основных задач являлось переселение Кавказской линии в глубь Осетии, Чечни и доведение ее до столицы Тарковского шамхальства – Тарки. Строительство крепостей, вырубка леса и сооружение просек, карательные акции, торгово-экономическая блокада и другие положения, выдвинутые в начале его деятельности на Кавказе, приняли характер плана, от которого Ермолов не отступал за все время его пребывания на высшей российской должности на Кавказе.

Начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, ближайший помощник Ермолова А. А. Вельяминов писал: «Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении мест, и средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселение оной казачьими станицами».

Многие «методы» Ермолова в свое время успешно использовали другие российские генералы (Цицианов, Гуляков, Паскевич, Воронцов и др.), однако именно действия Ермолова позволили ряду дореволюционных авторов говорить о «системе Ермолова». Именно ему пришлось покорять горские народы, закреплять уже присоединенные территории и обеспечивать фактическое господство России в этом регионе.

В 1818–1820-х гг. военные действия в Чечне и Дагестане привели к относительному покорению горских народов. Организованное сопротивление союза феодалов не смогло противостоять регулярной армии и артиллерии.

Известный кавказовед Р. М. Магомедов справедливо отмечает, что, стремясь к объединению своих усилий, горцы, естественно, обратились к традиционной, исторически апробированной форме военной организации, известной еще с доисламских времен и применявшейся еще против Надир-шаха: силы отдельных земель и владений, сохраняя структурную самостоятельность, примыкают, как вассалы либо союзники к дружине того или иного владельца, состоящей из воинов-профессионалов (нукеров), играющих роль кадрового костяка, а сами военачальники-владельцы объединяются, выдвигая одного из своей среды в качестве старшего – «первого среди равных».

Взаимоотношения А. П. Ермолова с феодальными правителями характеризуются сочетанием жесткого давления и привлечением их на свою сторону, используя различные формы материального поощрения.

В 1819–1820-х гг. была упразднена власть уцмий в Кайтаге, само владение вошло в состав империи с причислением к Дербентской губернии. Мехтулинское ханство обращается в простое приставство под управлением русского офицера. В 1818 г. приставство утверждается в Чечне. Там сложилось следующее военно-административное управление: командующий Кавказской линией – командующий Левым флангом линии – чеченский пристав. Военные власти считали, что «необходимо дать приставу власть», повышающую его статус в глазах местного населения. Авторитет пристава напрямую зависел от величины его жалованья.

Жалованье приставам выплачивалось из податей, собранных от аулов.

В 1839 г. по проекту генерал-адъютанта Граббе были изданы особые правила «для управления непокорными аулами» и все народы, подлежащие управлению начальника Левого фланга Кавказской линии, были разделены на три главных пристава «сообразно с географическим положением земель и многосложными взаимными отношениями» [13, с. 169]. Главные приставства делились на частные (Главное кумыкское приставство на четыре, Главное Чеченское на три, Главное лезгинское на четыре части).

Однако практика показала низкую эффективность приставской структуры. Игнорирование традиционных институтов, придание приоритетного значения прямому военному управлению во многом способствовали усилению антироссийских настроений. Не случайно сам Граббе уже в марте 1840 г. признает, что «главными причинами «массового восстания 1840 г. в Чечне явились «стесненное положение Нагорной Чечни, когда власть приставов утверждалась на равнине». По этому поводу Е. Вейденбаум писал, что «первые опыты управления горцами через русских приставов оказались неудачными, правители не знали внутреннего строя горской жизни и требовали беспрекословного исполнения установленных правил, не согласованных с народными понятиями и бытом и, нередко, даже прямо противоположные им. Управляемые не могли понять предъявленных им требований и считали многие из них совершенно несправедливыми» [6, с. 179].

Вместе с тем следует отметить, что приставская система управления горцами вплоть до 1857 г. являлась основной административной структурой на Северо-Восточном Кавказе.

Причинами «неотлагательных перемен и улучшений» приставских управлений называется чрезмерное увеличение их числа, разделение одного и того же народа на несколько приставств, управлявшихся по-разному, затруднения с проверкой их деятельности, отсутствие возможности назначить пристава жалованье, «приличное его содержанию», невозможность участия приставов в судебном разбирательстве из-за устройства местных судов.

Российский административный опыт, полученный в процессе взаимодействия с традиционными северокавказскими институтами власти, в конечном счете вылился в «военно-народную» систему управления, просуществовавшую до 1917 г.

Несмотря на то что определяющей чертой рассматриваемого хронологического периода являлись силовые, военные формы взаимодействия, были выработаны достаточно компромиссные формы взаимоотношений горских народов Северо-Восточного Кавказа с имперскими властями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1867. Т. 2. № 1889.
2. *Бентковский И. В.* Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. № 39. Ставрополь, 1886.
3. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.
4. *Блиев М. М.* К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7.
5. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1.
6. *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
7. *Гаммер М.* Шамилъ. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
8. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.
9. История Дагестана. М., 1968. Т. 2.
10. Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. М., 1957. Т. 2.
11. *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России во второй половине XVIII– 80-е гг. XIX в. М., 1984.
12. *Новосельцев П. А.* Георгиевский трактат // История СССР. 1963. № 4.
13. *Омаров А. И.* Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. Махачкала, 2004.
14. Очерк развития административных учреждений в кавказских казачьих войсках. Тифлис, 1885.
15. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1810 гг.). Владикавказ, 1912.
16. *Потто В.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 16.
17. ПСЗ I. Т. XXII. № 16133.
18. *Рамазанов Х. Х.* Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1956.
19. РГВИА. Ф. 52. Д. 366. Ч. 1. Л. 48; Ч. 2. Л. 65.
20. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. М., 1888.
21. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1907.
22. *Фадеев Р. А.* 60 лет Кавказской войны. СПб., 1890.
23. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 196. Л. 43.